

П.А. НИКОЛАЕВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
МАРКСИСТСКОГО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
В РОССИИ

ooo

П. А. НИКОЛАЕВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

(методология, проблемы реализма)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1970

«Для Романа»
№ 2001-1178/

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Плеханов о Николае Успенском

В библиотеке Дома Плеханова (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) под шифром Д. 6341 хранятся «Сочинения Н. В. Успенского» в четырех томах (М., 1883) с многочисленными заметками Плеханова на полях. Ни один из исследователей творчества писателя-демократа (а в последнее время появилось немало работ о Н. Успенском) почему-то не ввел в научный оборот эти заметки. Это тем удивительнее, что некоторые из авторов хорошо осознают и высоко оценивают роль Плеханова в научном изучении Н. Успенского.

Заметки же эти представляют определенный историко-литературный интерес.

В литературных спорах о писателе (им активно интересовались и народники, и Достоевский, и Л. Толстой) Плеханов был полностью на стороне Чернышевского, который в своей знаменитой статье «Не начало ли перемены?» раскрыл поистине историческое значение первых рассказов и очерков Н. Успенского. Плеханов неоднократно (в работах о Чернышевском и в статье о книге А. Скабичевского) защищал и разъяснял формулу «правда без прикрас», с помощью которой Чернышев-

* В «Приложении» даются материалы (из архива и библиотеки Дома Плеханова), характеризующие литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова.

ский охарактеризовал принципиальное достоинство очерков молодого писателя. Он защищал ее, как известно, от народнического критика А. Скабичевского, не одобравшего ни очерков, ни статьи Чернышевского. Скабичевский писал: «Что удавалось Н. Успенскому мельком увидеть или услышать, он передавал в том сыром и конкретном виде с единственной целью показать, как русский мужик невежественен, дик, смешон, загнан и забит, как тонет в грязи невежества, суеверий, пошлости. Забитость, тупоумие, отсутствие всякого человеческого образа и подобия в героях Н. Успенского одуряют вас, когда вы читаете его очерки»¹. Отсюда критик делал вывод о том, что очерки Н. Успенского могут служить хорошим материалом для приверженцев крепостного права: разве можно предоставлять крестьян самим себе, ведь они могут погибнуть по глупости, съедят друг друга.

Но Чернышевский, как подчеркивал Плеханов, в отрицательных свойствах изображенного Успенским мужика не видел оснований для пессимистического взгляда на народ. Дело тут не только в том, что художественная «правда без прикрас» объективно должна была и могла способствовать пробуждению сознания крестьян, а и в том, что Успенский рассказывает о мужиках как о людях, которых «он сам считает и читатель его должен считать за людей, одинаковых с собою»². Следовательно, в очерках не могли не быть отмечены черты истинной человечности в «простолюдинах».

Чернышевский не сосредоточил на них особого внимания. Но Плеханов, выступая против односторонней трактовки Скабичевским творчества Успенского, постоянно имел в виду эти черты. Однако в его статьях нет соответствующего материала, возражения Скабичевскому часто носят слишком общий характер. (Замечу попутно, что и в современной научной литературе подобный материал представлен очень бедно.)

Знакомство с плехановскими заметками на полях книг Н. Успенского позволяет судить об аргументах, которыми располагал Плеханов, и более конкретно пред-

¹ А. Скабичевский. История новейшей русской литературы 1848—1896 гг. СПб., 1900, стр. 209—210.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16-ти томах. т. VII. М., 1950, стр. 889.

ставить то, что в очерках могло служить источником оптимистических воззрений на народ.

Заметок слишком много, и ниже приводятся даже не все, относящиеся к теме настоящего сообщения³.

Вот наиболее характерные подробности в очерках, не замеченные, по мнению Плеханова, Скабичевским (на полях: «Этих сцен Скабичевский не заметил», «этого рода сцен не заметил Скабичевский», «ср[авни] отзыв Скабичевского», «этого не заметил Скабичевский», «ср[авни] Скабич[евского]» и т. д.).

Том первый. Рассказ «Старуха». «Припомнила я, вот так-то одна останусь, каждый день все так-то будет: все никого нет да нет. Старик не надежен. Петруша скоро сокроется с моих глаз — и замерещилось мне тут: как его повезут, покатит он невесть куда, в дальнюю сторонушку... давай я плакать; вытираю чугун и голошу, вытираю и голошу...» (стр. 22—23).

Рассказ Сельская аптека». «— Ну, что ты? — крикнул фельдшер. — Кормилец... начала баба, едва переводя дух: — что ж, родной... болезнь — то моя... полечи, касатик... — Я вам не раз говорил, что туберкулезных я не лечу: нет спасения... Баба смотрела в землю и кашляла; фельдшер заключил: — Дом тебе пора строить, — дом!.. — Какой, родимый? — Из четырех досок... сосновый... Фельдшер пошел. Баба, закрыв глаза тряпицей, зарыдала» (стр. 174).

Драматические сцены «Странницы». «Настасья... (после некоторого молчания подавая Маланье половину пряника): Спрячь... внучкам своим, Маланья. — Что это ты касатка! Ведь внучков у меня нетути. Настасья (заставляя взять пряник): Кому-нибудь... сынку своему» (стр. 321). Маланья (дрожит) (берут ее сына в солдаты. — П. Н.): Сокол мой! (всматривается. Вдали раздается заунывный, однообразный марш. Являются будочники). Будочники (сдерживая входящий народ): Назад, назад! (Невдалеке слышится плач, кто-то причитает: «дружочек ты мой! голу-у-убчик ты мой...» (Плач слышится ближе и ближе) (стр. 323). Степанида (вынимая из печерки тряпицу и разнимая ее зубами): Матуш-

³ В «Литературном наследии Г. В. Плеханова» (сборник VI. М., Соцэкгиз, 1938) опубликовано несколько заметок на полях второго тома сочинений Н. Успенского. Но они касаются лишь так называемых «антинароднических» мест в очерках писателя.

ка! неровно долго проходишь... у меня есть гривна...
возьми ты ее себе на дорогу... хлебца где, бывает, ку-
пить (подает гривну и помогает Маланье подпоясывать-
ся (стр. 343).

То, что Успенский не ставил своей единственной це-
лью отрицательное изображение крестьян, подтверж-
дается и сценами, в которых писатель смеется над дере-
венскими «властями». На полях первого тома (рассказ
«Змей») Плеханов пишет: «Тут насмешка не над одним
народом» (стр. 150). Сцена такова: *«Становой дал на это
особое приказание: положите вы девку на ночь с тою
целью, чтобы змея приманить, и не болтать никому про
моё распоряжение, не то, говорит, я вас!»* Апроська ви-
дит, обступили ее мужики с дубинами, возмечтала, что
ее убить хотят. Шум подняла. Ее кладут на телегу, а она
кричит: *«лежи, девка, становой велел»* подчеркнуто
Плехановым).

Народническая критика помимо упреков Н. Успен-
скому в нежелании показать, что крестьяне — люди и
что они, например, могут страдать по-человечески, от-
рицала художнические способности писателя. Чернышев-
ский и в этом отношении был более объективен, сказав,
что у Успенского «немало... коротеньких описаний, очень
художественных»⁴.

Плеханов и здесь солидарен с Чернышевским. Вслед
за П. В. Анненковым⁵ он говорит о сходстве Н. Успен-
ского с известным фланандским художником XVII века
Тенирсом Давидом Младшим (Анненков и Плеханов
пишут: Теньер). Он не во всем согласен с Анненковым: Успенский не занимает такого места в русской литературе, как Теньер, он не равен Теньеру по таланту и «совсем иначе... относился к изображаемой... действительности» (V, 345). Тем не менее Плеханов отметил в очерках Успенского немало «теньеровских» мест. Имя Теньера Плеханов, видимо, вспоминает не только потому, что его упоминал Анненков, но и по причине отрицательного отношения Скабичевского к «фланандскому» началу в демократической литературе 60—70-х годов.

Вот эти подробности в очерках Успенского, побудив-

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16-ти томах, т. VII, стр. 856.

⁵ П. Анненков. Русская беллетристика в 1863 г. «С.-Петербургские Ведомости», 1873, № 11.

шие Плеханова довольно высоко оценить изобразительное мастерство писателя (на полях: «Теньер»).

Том первый. «Сцены из сельского праздника». «Какая-то разбитная баба низенького роста стала на средину круга, подперлась руками и начала выплясывать с приговорками: «Что ты, что ты говоришь, меня со смеху моришь? Не троши, не вороши! у меня муж не хорош». Недалеко от места игр, близ господского сруба, на бревне только что поместились дворовые девки. Все они дошли из своих карманов подсолнечники и бережно приняли грызть» (стр. 100). «Баба принялась подсевать, повиливая хвостом своей понявы, и продолжала: «Кумачу я не хочу, китайки не надо. Наши в поле не робеют и на печке не дрожат». А мужик в белой рубахе, быстро и часто перекрещивая свои ноги, то повергался кругом, то приседал до самой земли, и тоже приговаривал: «Ах, теща моя, доморощенная! Задавай трепака на четыре пятака» (стр. 105).

«Сельская аптека». «Перед сумерками в Черепахине шел проливной дождь, заставивший фельдшера сидеть в своей аптеке. К нему снова прибегал мальчик от лесника и просил посмотреть ушибленную ногу. Фельдшер обещался придти, как скоро дождь перестанет. Он сидел у окна и смотрел на улицу. Против аптеки под поветью крестьянского сарая стояли две мокрые бабы, захватив полы своих зипунов, и молча глядела на ручьи по дороге; среди улицы на траве мокнула спутанная кляча с хвостом, похожим на горсть пакли. Широкая река усеялась частыми брызгами, у плотины дружно рылись утки, уткнувшись носы в воду; вдали на горе, будто в тумане, дремали леса, один другого темней; все имело скучный, пасмурный вид» (стр. 173).

Однако подобно же Чернышевскому Плеханов не склонен был и преувеличивать художественное дарование Успенского. Судя по заметкам на полях, Плеханов особое внимание обращал на те места, где Успенский был, так сказать, художественно непоследователен, отступал от стиля «народного реализма», если воспользоватьсяся термином Н. Шелгунова. Он иногда замечает: «Народный тон не выдержан», «не выдержан тон». Вот примеры.

Первый том. Рассказ «Змей». «Антошка сказал: «Не плачь. Видишь ли: помолились мы... следовательно, что ж

тут? И разговаривать нечего: ведь Заступница, она, брат, того... спасает; а твое дело, вестимо, правое». За обедом Антошка советовал двум дьячкам затянуть погрустней, как можно: «зряща мя безгласна». На пиршество смотрел народ, стоял у дверей избы» (стр. 142).

«Прикащик в картузе стоял и поплевывал назад, нередко попадая в бороду бурмистра» (стр. 146) (подчеркнуто Плехановым). «известно, мужик копается долго, когда достает деньги; будто о чем-то раздумье его берет» (стр. 148, подчеркнуто Плехановым).

Одобряя в целом характерное для Н. Успенского стремление к юмору, Плеханов вместе с тем не раз подчеркивает отсутствие у писателя чувства художественной меры в этом отношении. Подражание Гоголю (которое отмечает Плеханов на полях — например, на стр. 390 первого тома) иногда у Успенского оказывается очень поверхностным. По поводу следующей сцены (том второй, рассказ «Иван Великий» — дворничиху уговаривают — Я тебе по душе говорю, тetenька! — убеждал городовой: — не упирайся! это не хорошо! вон что! — Известно, не хорошо, сказал дворник. — Да от начальства, что ли, приказано? — спросила дворничиха» — стр. 383) Плеханов пишет: «Это анекдот. У Гоголя это было бы хорошо, потому что у него анекдот приобрел бы свой широкий смысл». Дальнейшая сцена в рассказе (дворничиху силой тащут на колокольню) оценивается Плехановым так же: «анекдот» (стр. 384).

Анекдотичной кажется Плеханову и концовка рассказа «Свадьба регента» (том второй, стр. 159). «Сомнительная острота», — замечает он, прочитав в очерке «Пчелобиты» следующее: «...так называемые пчелобиты, которые, хотя и напоминают трилобитов, членских животных силурской эпохи, и, может быть, разделяют с ними одно и то же значение, как произведения природы, но отличаются от силурских трилобитов тем, что они, как показывает их название, занимаются битьем пчел на пасеках» (том второй, стр. 151).

Но, конечно, чаще всего, стремясь найти аргументы против народнической критики, Плеханов с удовлетворением отмечает множество сцен, свидетельствующих одновременно и об исторической правдивости содержания очерков Успенского (их «антинароднический» характер) и о художественной силе писателя. «Все это положитель-

но бесподобные вещи», «эта сцена полож[ительно] потрясающая и должна была нравиться просветителям», — такие заметки на полях (первый том, повесть «Саша», стр. 464, 470) наиболее характерны для Плеханова.

А, главное, Плеханов искал и находил в рассказах и очерках совсем не тот взгляд на крестьян, который приписал Успенскому Скабичевский. Из заметок на полях мы узнаем, что утверждение нравственного достоинства, внутренней содержательности крестьян составляет одну из идейных тенденций произведений Н. Успенского. Так, на полях повести «Саша» (том первый, стр. 483) против слов:

«Рассматривая беспорядок в избе, грязный земляной пол, чад по всей избе, Петр Григорьевич никак не мог согласиться, что здесь жили такие же люди, как он. Ему даже ни с кем не хотелось говорить; хозяев казармы (дом на засеке. — П. Н.) он ставил не выше животных. А на самом деле было вовсе не так; эти люди были полны своей внутренней жизни и не так рабски зависели от окружающей их обстановки, как заехавший к ним петербуржец, привыкший поддерживать чистым полом, сияющей мебелью, пышными занавесками свое душевное расположение, готовое изменяться с переменой погоды и выговором начальника» Плеханов пишет: «Тенд[енция] Н. Успенского».

Все это является существенным уточнением и развитием оптимистических выводов Чернышевского относительно героев Успенского.

Плехановские заметки на полях могут помочь историкам литературы более широко и полно охарактеризовать идеально-художественное своеобразие произведений Николая Успенского, одного из замечательных писателей той поры, когда, по словам Плеханова, «началось всестороннее исследование народной жизни» (Х, 9).

Плеханов о Левитове

В работах Плеханова мы не встретим имени А. И. Левитова. Только однажды, в статье «В. Г. Белинский», Плеханов указывает на «знатомительный» пример влияния Белинского на разночинцев 50—60-х годов (и Леви-

това в том числе)¹. Конечно, это не могло стимулировать поиски исследователями творчества Левитова соответствующих плехановских материалов, хотя, вообще говоря, уже давно появились основания предполагать, что Плеханов думал о специальной статье, посвященной писателю².

Это предположение укрепляет хранящееся в библиотеке Дома Плеханова (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) под шифром Д. 6282 «Собрание сочинений» А. И. Левитова (М., 1884) в двух томах с многочисленными заметками Плеханова на полях.

В указанном VI сборнике «Литературного наследия Г. В. Плеханова» говорится, что «только I том снабжен отметками и заметками Плеханова»³. Это ошибка. На самом деле второй том содержит даже гораздо большее, чем первый, количество заметок. Они заслуживают обзора и хотя бы частичной (всего заметок на полях двух томов около семидесяти) публикации.

Существенно то, что некоторые из заметок могут быть восприняты в качестве историко-литературных рекомендаций, расширяющих и уточняющих наше представление о месте Левитова в литературе.

То, что Левитов — шестидесятник, сформировавшийся под влиянием критики Чернышевского и Добролюбова (тезис, давно ставший основным в научной и популярной литературе о писателе) подтверждают и плехановские заметки. На полях одного из рассказов («Девичий грешок», т. 2, стр. 505) встречаем запись: «Стремление к правде, [от]меченное Чернышевским у Н. В. Успенского». Что Плеханов имеет в виду? «Вот эти отступления, имеющие в виду начертить глубокую ложь пленительных декораций тех *пейзанских* местностей, из которых на потеху *художественных* душ выпрыгивают счастливые Иваны, скака и чудодействуя на разные манеры...»

На полях того же рассказа он конкретизирует это свое понимание левитовской «правды без прикрас». Читая слова: «Почти до такой же безнадежной степени

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X. М.—Пг., Госиздат, стр. 323.

² «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI. М., Соцэкиз, 1938, стр. 239—240.

³ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 239.

была измучена и простая душа шедшей женщины. Урожденка описываемой местности, она самым лучшим образом знала, что люди, в силу веками созданных обычаев, за постигшее несчастье покроют ее нестираемым позором, никакого не взирая на то, что несчастье это привели на ее молодую голову сами же обычай», Плеханов констатирует: «Жестокость среды идет рядом с темнотой» (стр. 507). Вот еще один вариант такой правды у Левитова: «Земля проклята в делах своих» (стр. 545). Запись выше: «Звериная» жизнь народа» (рассказ «Московский профиранец», т. 2, стр. 498), и т. д.

Интереснее, однако, то, что Плеханов допускает возможность сопоставлений Левитова с народнической литературой и народнической идеологией в целом: современные исследователи не учитывают эту возможность, для них проблематика произведений Левитова полностью в пределах идеологии шестидесятников. Дело не только в том, что внимание Плеханова останавливают типы народников у Левитова (например, рассказ «Счастливые люди», т. 2, стр. 238 — Плеханов пишет: «Народник»), а и в более широких связях его произведений с литературным народничеством.

Левитов не стал народником, но строки из неосуществленного романа «Говорящая обезьяна» «Отзовись! — говорил молодой человек, снимая со стены какой-то портрет и освещая его в одно и то же время и дружеской и какой-то особенно тонкой, саркастической улыбкой. — Здравствуй, брат, вечно трудившийся на других, вечно, как Филарет милостивый, отдавший всем все на том основании, что ведь «как же быть-то иначе? Ведь не умирать же человеку от каких-нибудь пустяков!» Не в моей бы галерее тебе, по-настоящему висеть следовало, но ничего!» побуждают Плеханова сказать: «Все это напоминает подобные писания у Златовратского» (т. 2, стр. 734). Попутно замечу: оказывается, довольно высокая оценка, которую дал Плеханов в своих статьях Златовратскому как одному из «беспристрастных исследователей нашей народной жизни»⁴, не исключала для критика «снижающих» характеристик некоторых страниц этого «народника-классика»⁵.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. IX, стр. 157.

⁵ Там же, стр. 173.

Плеханов замечает, как в рассуждениях героя «Говорящей обезьяны» (это его монолог вызвал у Плеханова ассоциацию с «писаниями» Златовратского), которому несомненно сочувствует Левитов⁶, возникают элементы народнических теорий. Правда, не сразу. Иногда герой симпатизирует такому человеческому поведению, в котором еще мало специфически народнического. Так, он вспоминает одного из своих прежних знакомых: «Как водолаз, бесстрашно нырял он по самым мрачным столичным глубинам, где гнездились многоразличные человеческие страдания, и много оттуда вытаскивал на божий свет. И теперь еще есть люди, которые с его легкой руки живут по-человечески и поминают его юность, которая спасла их». Плеханов пишет по поводу этих слов: «Тут еще полная неопределенность стремлений, до настоящего народничества еще далеко» (т. 2, стр. 742). Но порой, ожесточаясь против некоторых принципов, герой обнаруживает свою внутреннюю близость к собственно народническим воззрениям. Он так характеризует идейную метаморфозу своего прежнего знакомого и ему подобных: «...они настроят науку таким образом (да уж и довольно успели в этом), что она концом, венчающим ее усилия, будет считать возможность как можно удобнее и легальне взмоститься на чужие, неученые плечи!». Отсюда новая реплика Плеханова: «Вот эт[ого] и не хо[тят] народники» (т. 2, стр. 743).

Но, как известно, Плеханов широко смотрел на народничество, особенно литературное, видя в нем не только слабые стороны, поэтому недостатки Левитова в иных случаях он мог замечать там, где писатель не поднимался на уровень лучших образцов народнической литературы. Естественно, речь должна была идти прежде всего о Г. Успенском, творчество которого, по Плеханову, было в рамках народнического направления. Сравнения Левитова с Г. Успенским встречаются не раз. Многое из того, что начал Левитов, получило развитие у Г. Успенского — вот основной пафос замечаний Плеханова. Так, в связи с рассказом Левитова о студенте, занимавшемся просветительской деятельностью, Плеханов делает за-

⁶ По свидетельству Златовратского, то, о чем говорится в монологе героя, было пережито самим Левитовым (И. Н. Златовратский. Воспоминания. М., Гослитиздат, 1956, стр. 296—297).

пись: «Зачаток темы: интеллигенция и народ, впоследствии хорошо разработанной Г. Успенским» (т. 2, рассказ «Девичий грешок», стр. 509). И далее образы «просветителей» у Левитова вызывают у Плеханова ассоциацию с Г. Успенским (т. 2, очерк «Сказка и правда», стр. 554; запись Плеханова: «Просветители. Ср. Г. Успенского»)⁷.

Разумеется, то, что Левитов был свободен от основных народнических доктрин, должно было определять иногда его преимущество перед Г. Успенским, и Плеханов, естественно, не мог этого не заметить. Видимо, не случайно, что ясно сформулированный тезис Левитова (по поводу «протеста» деревенских людей против поезда — очерк «Сказка и правда»): «Но и этот протест, начавшись испуганным мычаньем и нелепым намерением остановить непобедимого богатыря, скача около самого его железного пламенного носа, оканчивался всегда такою картиною, которая... отучала село от веры в сомнительные силы сказочных «водяных, леших» и приучала его к вере в правдивую науку, оживотворяющую пар и железо» заставил Плеханова сделать вывод: «Г. Успенский говорит уже не так» (т. 2, стр. 557).

Но Г. Успенский, по мнению Плеханова, превосходит Левитова большей аналитичностью в художественном изображении народной жизни. На одной из страниц, особенно характерных описательностью, встречаем следующую плехановскую заметку: «Именно так он изображает жизнь, в которой плещутся Иваны, Успенский старается объяснить ее органически» (т. 2, стр. 504; подчеркнуто Плехановым).

Бессспорно, такого рода заметки ориентируют на более исследовательское отношение к творчеству Левитова, чем то, которое наблюдается чаще всего в современной литературе о писателе. Дело, конечно, не только в сопоставлениях Левитова с народнической литературой, а в принципиальном стремлении отыскивать связи произведений Левитова (хотя бы отдельных мотивов, элементов содержания) с литературой его времени (Плеханов, например, по поводу одного из левитовских персонажей, который «гордым и сильным шагом расхаживает по земле, защищая видимость, правду и опыт», говорит: «Что ж,

⁷ О «просветительстве» у Левитова Плеханов говорит: т. 2, стр. 558, 559, 560.

это Штольц», — т. 2, рассказ «Сказка и правда», стр. 561). Плехановские заметки выявляют многие черты индивидуального своеобразия Левитова как мыслителя и художника. Прежде всего — активность его идеальной и нравственной позиции и как результат ее — лиризм левитовской прозы. «Точка зрения Левитова», — так оценивает Плеханов известную концовку рассказа «Расправа»: «Грозный, как эта грозно царящая ночь, грянет некогда суд на людей и обстоятельства, которые заслепили столько глаз, не видящих чужого несчастья, которые притупили столько душ, не благоговеющих теперь перед светлым лицом природы, перед этим вечным храмом истинного бога живого» (т. I, стр. 256—257).

«Соб[ственная] характеристика», — замечает Плеханов в другом месте (т. 2, рассказ «Московский профиранец», стр. 496), что особенно интересно, поскольку здесь по поводу рассуждений персонажа Плеханов говорит: «Да это положительно психология революционера» (стр. 496). Рассуждения таковы: «Мне самому даже очень видны односторонность и ошибочность моего мышления, деятельность которого так долго возбуждалась все одним и одним, хотя и бесконечно широким, видом людских страданий; но тем не менее я вовсе не расположен исправлять эту ошибку моей мысли, потому что тот суровый мир, в котором она вращалась и вращается, без остатка выгнал из моего сердца все те злые движения, руководствуясь которыми, человек эгоистически около одного себя группирует как можно больше жизненных благ, увеличивая тем массу всеобщего зла».

Лирический элемент в рассказах Левитова столь силен, что не всегда бывает легко отличить позицию героя от авторской. Понятно, что эти «крайности» лиризма не есть достоинство и порой могут вызвать недоуменные вопросы вроде плехановского: «Что это: перенесение собственной психологии на народ?» (т. 2, стр. 571; текст такой: «Разреши, разреши! — молил Картузов. — Я не мудрствую... Один только у меня предел во всей жизни остался — пути Его... А с людьми не могу... Ничего я от них не добился, ничем: ни смиренством, ни любовной послугой... Помоги ты, отец, — неправде моей, — помолись за меня. Рвется у меня сердце, помимо воли моей, быть с ними око за око, зуб за зуб... Это злой дух искушает меня... Грешник я, грешник!...»).

Но в принципе левитовский лиризм — явление замечательное в демократической прозе — 60—70-х годов.

Плеханов очень симпатизирует личности Левитова. Его привлекает оптимистический взгляд писателя на будущее России (в этом оптимизме он видит левитовскую «любовь к родине» — т. 1, стр. СХХІХ). Он подчеркивает места, раскрывающие содержание гуманизма Левитова. «Сочувствие к страданиям», — читаем запись на стр. 755 второго тома. «С какой любовью он описывает всегда детские лица», — замечает Плеханов (т. 2, стр. 497). При этом он с удовлетворением констатирует художественную полноценность тех мест в рассказах, где речь идет о детях: «Превосходно изображены детские годы» (т. 1, рассказ «Дворянка», стр. 272), «Прекрасная сцена» (т. 1, повесть «Накануне Христова дня», стр. 201, 202), «Поэтическое место» (там же, стр. 205).

Вообще же художественное мастерство Левитова в плехановских заметках оценивается довольно высоко. Особенным вниманием критика пользуются пейзажные зарисовки писателя, которыми, как мы знаем, Левитов выделяется в демократической прозе своего времени.

Известно, что шелгуновская теория «народного реализма» требовала социального содержания в художественных описаниях природы⁸, и Левитов отвечал этим требованиям. Но «социологизatorство», которое чувствовалось в суждениях некоторых критиков об этой проблеме, ему было чуждо. В его «социологизации» пейзажа нет иллюстративности: он следовал классическим традициям. Левитов стремится «связать» человеческие и пейзажные мотивы, что вызывает такую плехановскую характеристику: «Горю людскому соответствует у него унылая местность, хотя вообще он очень любит р[исо]вать природу яркими красками» (т. 2, стр. 506). Заключая в себе «человеческое» содержание, левитовский пейзаж вместе с тем почти всегда выполняет вполне самостоятельную художественную функцию, то есть остается правдивым изображением природы. Именно в этой своей завершенности, цельности пейзажные подроб-

⁸ «Описание природы имеет смысл настолько, насколько рисует ум или глупость коллективной жизни человека, силу и власть человека над природой» (Н. Шелгунов. Талантливая бесталанность. В сб.: Избранные литературно-критические статьи. М.—Л., 1928. стр. 43).

ности в рассказах Левитова и обратили на себя внимание Плеханова (т. 1, стр. 43, 70, 249, 387, 427, 429, 430, 596).

Плехановым рассмотрены и другие элементы художественной формы левитовских рассказов, очерков и повестей. Помимо указанных — например, некоторые композиционно-стилистические особенности. Поучителен анализ, например, построения рассказа «Девичий грешок» с его «запутанностью плана» (т. 2, стр. 512, 514, 515, 516). Точные характеристики иносказательной образности в очерке «Московские уличные картины» (записи Плеханова: «Здесь олицетворение удачно» — т. 2, стр. 389; «Здесь удачно» — т. 2, стр. 392; «Тут олицетворение менее удачно» — т. 2, стр. 391). Подобные замечания (указаны не все) помогают, хотя и в небольшой степени, почувствовать меру эстетической требовательности Плеханова. Специальный анализ соответствующих страниц левитовских сочинений, отмеченных Плехановым, непременно подтвердит это.

А в целом заметки Плеханова действительно расширяют наше представление об историко-литературных интересах и наблюдениях выдающегося марксистского теоретика искусства.

Исследователей же Левитова плехановские заметки могут побудить к более широкому и точному выявлению идейно-художественного своеобразия творчества писателя и его места в литературе 60—70-х годов.

Г. В. Плеханов. План „Истории русской общественной мысли“ — 1912 г. (выдержки)

АДП, инв. № 6243, ед. хр. Р.36.1^а

«Развитие русской общественной мысли под влиянием роста рабочего движения... Рабочее движение первой половины 90-х годов. — Кружки сознательных рабочих. — Стачки. — Их влияние на развитие самосознания рабочего класса и на настроение интеллигенции. Широкое распространение идей Маркса в России. Литературные органы «легального марксизма». Его слабые стороны. — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»... Основание российской социал-демократической рабочей партии и дифференциация в лагере «русских учеников

Маркса». Дальнейшая дифференциация в русском марксизме... Дальнейший рост рабочего движения до 9-го января 1905 г... Настроение крестьянства и постепенное возрождение социальных идей семидесятых годов (вариант: «Настроение крестьянства в период 1881—1900 гг. и возрождение старых революционных идей революционного народничества»)... Политический индифферентизм крестьянства... Рост земского либерализма под влиянием роста движений в пролетариате и в крестьянстве... Демократическая интеллигенция как один из факторов освободительного движения... Освободительные идеи русской изящной литературы 1881—(1905?) (вариант: «Отражение освободительного движения... в изящной литературе»)... Изящная литература.— Влияние на [ней?] реакции восьмидесятых годов.— Новые мотивы художественного творчества.— Отражение в беллетристике девяностых годов идейной борьбы марксистов с народниками. Беллетристы «Буревестника», новый оттенок западноевропейского буржуазного индивидуализма, [его?] влияние на русскую художественную литературу. — Русские декаденты».

Г. В. Плеханов. Из черновых вариантов статьи „Судьбы русской критики“

АДП, инв. № 5995, ед. хр. Р.19.5-а²

«Пока идеалистическая философия упражнялась в приурочении духовного развития человечества к свойствам абсолютной идеи, в литературе...»

«Научная эстетика не дает искусству никаких предписаний...; вечные законы, действием которых обуславливается его историческое развитие».

Г. В. Плеханов. Из письма А. М. Коллонтай. Женева, 9 января 1909 г.

АДП, инв. № 5137, А-86.4 (фотокопии)

«Думаю возобновить свой «Дневник». Что вы на это скажете? И намерен посвятить много внимания литературным вопросам. Но вот тут-то мне и нужна Ваша по-

мощь. Вы обладаете большой чуткостью. Напишите мне, о чем теперь говорят; что думают об Андрееве и о Гамсуне. Я собираюсь писать о драме «У царских врат» и о «Моих записях». Что думают об этих произведениях у Вас в Питере? Я буду весьма благодарен Вам, если Вы будете высылать мне литературные новинки, о которых много говорят в публике. Я сейчас же приму меры к тому, чтобы «общественная польза» покрывала Ваши расходы, сейчас мне хотелось бы иметь книгу *Венгерова* о новейших литературных течениях».

А. Коллонтай. Из письма Плеханову. 19 января 1909 г. Берлин.

АДП, инв. № 2380. В. 220, 12, л. 1

«...вообще же Петербург, насытившись эротическим настроением, с увлечением дебатирует теперь религиозные вопросы. Наибольшее количество публики, и не только «буржуазной интеллигенции», но и «наших» встретите в религиозно-философских обществах; наибольшей популярностью пользуются знаменитая «тронца» — Гиппиус, Мережковский и Философов. Это нечто очень слабое, хаотичное, ничтожное, и успех их объясняется только вообще повышенным интересом к «религиозным иска-ниям». Если б Вы что-нибудь написали на эту тему, если б Вы внесли трезвую, научную ноту в этот «мисти-ческий» детский лепет. Сейчас эта тема — наиболее за-хватывающая нашу читающую публику. Мне кажется, что возобновление Ваших «Дневников», где Вы бы от-зывались на все подобные «трепетания» нашей интелли-генции, — было бы делом крайне полезным и важным. Что касается Гамсона, то его читают «все», понимают немногие и любят лишь определенный круг лиц. «У врат царства» занимал общество больше с точки зрения «те-атральной постановки», серьезной критике эта вещь не подвергалась, сколько я знаю. О «Драме жизни» гораздо больше писали, говорили и спорили. Разумеется, если Вы скажете свое слово о ней — это возбудит интерес, но, повторяю, само по себе это произведение не заставило общество «искать сокрытых в нем глубин». Андреев — по-прежнему кумир, хотя к его двум последним романам «Дни нашей жизни» и «Черные маски» публика и кри-

тика отнеслись строже и многие остались неудовлетворенными. К Горькому — несколько остыли. «Исповедь» подняла опять некоторый интерес к нему, но опять-таки в связи с религиозными вопросами. В зените сейчас все же Андреев...»

И. И. Аксельрод. Из письма Плеханову.
1 августа 1907 г. Берн.

АДП, инв. № 1052, В.6.37, лл. 1—3

«Я очень благодарна Вам за Ваше письмо и за указание на недостаток моих литературных статей... Считаю все же нужным объяснить, почему моя критика «Es lebe das Leben» вышла такой спонтанной. Когда я прочла это произведение, я была страшно возмущена Зудерманом. Но потом узнала, что наши социал-демократы раскрывают семейные драмы буржуазии и пользуются ими как агитационным средством перед выборами. Быть может, я неправа, но мне лично подобное средство для агитации так же не по душе. Поэтому моя критика Зудермана и вышла в этом пункте мягкой. Во всяком случае постараюсь исправить этот недостаток и статью о Горьком переделаю согласно Вашим указаниям. «Мать» Горького (уже читаю), большое спасибо за желание выслать мне это произведение. Прочла уже больше половины. Мне «Мать» также не нравится. Резонерство было именно таким элементом, который мне сильно не нравился в произведениях Горького первого периода. Но если резонер бояк был еще несколько выносим, то резонер рабочий производит неестественное впечатление».

И. И. Аксельрод. Из письма Плеханову.
21 июля 1912 г.

АДП, инв. № 1194, В.11. 137а

«О Вашей духовной жизни имею представление по Вашим работам, которые, конечно, всегда читаю по их выходе в свет с неизменным захватывающим интересом

и большой пользой. Какая превосходная статья о Герцене! Насколько мне пришлось говорить о ней, я слышала одни только восторженные отзывы».

В. Якопсон (Председатель Комитета общества русских студентов в Женеве „Наука и жизнь“).

Из письма Плеханову. 22 апреля 1912 г.

АДП, инв. № 4036. Г.42.1. лл. 1—2

Общество организовало литературный суд над Сашкой Жегулевым по одноименному произведению Л. Андреева. Общество, как явствует из письма Якопсона, отказывается от «всякой юридической оценки деятельности Жегулева» и отодвигает на второй план литературно-художественную сторону; «общество целью «Суда» ставит критический разбор героя Андреева с точки зрения *общественной морали*».

В основу «Суда» положены 3 главных вопроса:

«1. Имел ли моральное право Жегулев уничтожать жизнь других людей или вынуждала ли его к тому общественная необходимость?

2. Каковой представляется деятельность Жегулева с точки зрения экономии и разумно-планомерного применения общественно-революционных сил, особенно крестьянства?

3. Какие последствия имела жизнь и деятельность Жегулева для окружающей его среды — как для его близких людей, так и для общества?»

Якопсон просит Плеханова высказаться по этим, а также и по другим вопросам в связи с Жегулевым.

**В. Келтуяла. Из письма Плеханову
9 июня 1913 г.**

АДП, инв. № 2285. В.205.1. лл. 1

«Очень Вам признателен за Ваше высокое мнение о моем «Курсе». Не знаю, составит ли он эпоху в истории обработки древней русской литературы или нет, но с ним, кажется, нельзя будет не считаться. Меня лично особенно радует то, что он приобретает влияние... на учебные пособия по истории древней литературы. Не-

давно вышел «Краткий курс» древней русской литературы и XVIII в. Саводника. Автор хорошо проштудировал мой «Курс», усвоил целый ряд моих выводов и обобщений, хотя всецело отрешиться от общепринятого мировоззрения оказался не в силах».

**В. Д. Бонч-Бруевич. Из письма
Р. М. Плехановой. 13 октября 1931 г.**

(АДП, В. 62, 21, лл. 1—3)

«Я и мои товарищи, к величайшему нашему горю и глубочайшему сожалению идейно и политически разошлись с Георгием Валентиновичем в последние годы его жизни, но из этого отнюдь не следует, что кто-либо из нас перестал уважать или преклоняться перед таким великим для нас именем. Как бы мы резко — учась этому у самого Георгия Валентиновича — ни полемизировали с ним идейно... мы никогда, никто из нас, старых большевиков, не принизит себя не только к третированию Георгия Валентиновича, как Вы пишете, но даже к каким бы то ни было несерьезным и неуважительным отношениям к его научным, литературным и философским работам. Совершенно понятно, что жизнь идет вперед, что теория отстает, что могут быть те или иные поправки к тем или иным теориям, уточнение их, углубление, но это, конечно, совсем не то, о чем сообщили Вы мне. Нам так бы хотелось, чтобы работы Георгия Валентиновича, которые остались почему-либо неопубликованными в свое время, недопущенными и запрещенными цензурой, касалось ли это искусства, философии, всевозможной полемики и пр. и т. п., — чтобы все это было напечатано в самом неприкосновенном виде. Конечно, также важна и всевозможная переписка с теми или другими литераторами и товарищами.

...Вы знаете, до какой страстности доходила полемика между покойным Владимиром Ильичем и покойным Георгием Валентиновичем? Но я знаю наверное, что до самых последних сознательных дней своих Владимир Ильич очень бережно относился и к памяти Георгия Валентиновича и ко всему, что он написал. В разгар спора с анархистами в 20-е годы Владимир Ильич лично мне говорил: «Надо сейчас, немедленно переиздать брошюру

Георгия Валентиновича об анархистах. Я лично для него подыскивал статьи из старой «Искры», на которые он указывал как на образчик в идеологическом и в литературном смысле. Наконец, я наверное знаю, что Владимир Ильич часто перечитывал произведения Георгия Валентиновича и вслух высказывался и в эти годы о величине ума и проникновенности творческого таланта Георгия Валентиновича. Я об этом уже писал и собираюсь еще и еще писать, чтобы как можно больше рассказать молодежи все, что я знаю о Георгии Валентиновиче и о том изумительном отношении Владимира Ильича к Георгию Валентиновичу, которое у него оставалось до последних дней его жизни».

Р. М. Плеханова. Моя жизнь (воспоминания)

АДП, АП, 13-а (выдержки)

«Незадолго до нового 1895 г. на русском книжном рынке появилась новинка — книга Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»... Эта книга составила целую эпоху в истории российского марксизма. «Бельтов принес, наконец, с горы Синая десять заповедей Маркса и вручил их русской молодежи», — говорил об этом событии молодой революционер Ганелин, и эти слова повторялись из уст в уста, как сообщали нам впоследствии приехавшие из России единомышленники, сочувствовавшие марксистам в их борьбе с народническим движением» (стр. 397).

«Лучшие специалисты по легочным болезням предсказывали близкий конец (речь идет о 1886—1887 гг. — П. Н.)... Но он (Плеханов.— П. Н.) работу не оставлял, а останавливался на более легкой, готовил свои статьи по искусству, по литературе, оставляя философские труды на то время, когда он поправится и температура сделается нормальной» (стр. 410).

«Это движение (экономизм.— П. Н.) он находил вредным для социал-демократической партии и видел в нем отклонение на путь реформизма, что он считал гибельным для революционной партии. Он, сколько мне помнится, выступил против этого отклонения в первом № «Рабочей газеты», вышедшей в Киеве, сделал следующее предупреждение: *в настоящее время наши русские това-*

рищи не всегда помнят ту чрезвычайно важную мысль Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая» (стр. 411).

Р. М. Плеханова. Италия и Горький

(АДП, инв. № 11478. ед. хр. АП.14.2)

«Алексей Максимович дружественным тоном сказал Георгию Валентиновичу: «Строго Вы, Георгий Валентинович, отнеслись к моей «Исповеди». Здорово пробрали меня». На что Г[еоргий] В[алентинович] ответил, что, ставя высоко его художественный талант, он считал своей обязанностью решительно восстать против того, что он считал вредным в идеологических взглядах его как социалиста. Г[еоргий] В[алентинович] тут же прибавил: «Вы, Алексей Максимович, изменили, бросили свою мистическую точку зрения на задачи человечества и пролетариата. Если да, то разведите Вашу теперешнюю точку зрения, я напишу об этом, отдам должное Вашему теперешнему миросозерцанию». На это Горький ответил: «Не надо, пусть так» (стр. 8—9).

«В 1912 году мы впервые познакомились с другим гениальным самородком нашей великой страны, Федором Шаляпиным. Плеханов очень увлекался его игрой, любовался блеском его рассказов, но не мог вынести его коленопреклонения перед Николаем II, и тут он был беспощаден» (стр. 10). Плеханов — о Горьком: «Меньшевиков он ненавидит с фанатизмом ничего не понимающего в политике человека. Мне он наговорил много комплиментов, назвал своим учителем и т. д.» (стр. 17).

ЗАМЕТКИ ПЛЕХАНОВА НА ПОЛЯХ КНИГ

А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга
в Москву. СПб., 1905.
Шифр Д. 6338

25.

Ср. Пушкина:
Цыгане.
И народники.

«Теперь я прощаюсь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселье грызть друга друга; от-

рада их — томить слабого до издохания и раболепствовать власти» (подчеркнуто Плехановым).

43—44.
Сам Радищев,
Екатерина II,
сам Радищев.

Разгадка его
поступка.

56.
Исторический
идеализм.
(на последней стр.)

71.
Замечательно.

83.
Ср. Чацкого

37.
Сентиментальность
Карамзина
(заметка — на
титуле книги).

80.
Программа

«Если из среды народные возникнет муж, порицающий дела твои, ведай, что той есть твой друг искренний... Блюдись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его яко странника... Но таковые твердые сердца бывают редки; едва един в целом столетии явится на светском ристалище» (подчеркнуто Плехановым).

По поводу тезиса о «муже твердом», который «восстает на истину», после чего следует «премена царств», «премена в исповеданиях».

«Я видел (да и может ли быть иначе), что закон судит о действиях, не касаясь причин, оные производивших» (подчеркнуто Плехановым).

«Все отврашали от меня свои очи... Неприметно удалились они, как от зараженного смертоносною язвою» (подчеркнуто Плехановым).

Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Том первый. СПб., 1900, шифр Д. 6943.

«Иногда, думая о вас, вдохчу; но легкий ветерок струит воду, не возмущая светлости её» (подчеркнуто Плехановым).

«Великодушный Маркиз Поза, друг Принцов, пробуждаю-

Карамзина
(заметка — на
титуле книги).

ящий в нем ревность к доброде-
тели и к героическим делам»
(подчеркнуто Плехановым).

„Кошелек“. Еженедельный журнал Н. И. Новикова.
СПб., 1900 (копия издания 1774 г.)
Шифр Д. 6303

42.
Эстетика Новикова
(заметка — на
титуле книги).

«Нет нужды в том, что в них
(комедиях для народа.—П. Н.)
не будут сохранены театраль-
ные правила (разрядка в
«Кошельке») лишь бы замы-
калось в оных нравоучение, и
почаще представлялись бы
примеры, к подражанию на-
родному годные: то есть доб-
рый слуга, честный купец, тру-
долюбивый хлебопашец и сим
подобные. Сие было бы весьма
не худо (подчеркнуто Плеха-
новым).

Русская поэзия. Кантемир. Тредьяковский.
Ломоносов. Под редакцией С. А. Венгерова.
СПб., 1893.
Шифр Д. 17071

34.
Ср. Чацкого:
служить бы
рад и т. д.

Кантемир. Сатира VI.

«Господскую сносить спесь,
признавать, что родом
моложе Владимира одним
только годом.

Хоть ты помнишь, как отец
носил кафтан серый,
кривую жену его называть
Венерой» (подчеркнуто Пле-
хановым).

35.
Ср. Пушкина:
На свете счастья
нет.

«и своя мне воля
Всего драгоценнее» (под-
черкнуто Плехановым).

284.

Верно.

«... отмеченный сейчас двойственный характер «Ябеды» Капниста — широкое общественное содержание и значительные недостатки с чисто художественной стороны — были и вообще характерны: именно такой двойственный характер носила в значительной доле вся русская литература конца XVIII века. К концу века эта литература в общем шагнула со времен Ломоносова очень далеко, сделала огромные завоевания и необычайные приобретения; но при всем том ей многоного еще нехватало».

286.

Важно
(заметка — на
последней стра-
нице обложки)

По поводу характеристики комедии И. Соколова «Судейские именины» — 1871 г. Простые люди рисуются более привлекательными, чем господа; язык комедии — живой, полон народных выражений.

**Русские повести XVII—XVIII вв. Под ред.
и с предисловием В. В. Сиповского СПб., 1905.
Шифр Д. 6206**

142.

Сентиментализм

На полях «Истории о Александре Российском дворянине» в том месте, где Александр, лишившийся «любезной Элеоноры», повелел написать (как просила она) на крышке гроба трогательные слова.

**История русской словесности. Часть II.
Составил И. Порфириев. Казань. 1904.
Шифр Д. 6191**

185.

Ср. Кант.

Жуковский («Послание к
Нине»):

«Ужели ни тени земного
блаженства
С собою в обитель небес
не возьмем?»

186.

Ср. Канта.

«Что было в сем мире
предчувствием неба,
Ужели то бездна могилы
пожрет?»

Вяземский («У страха глаза
велики»):

229.

К тактике
(на обложке)

«В глазах рябит, в ушах
звенит
Им свечка — зарево
пожара,
Набатом — каждый шум
звучит,
Предупредительность их
мучит.
...Они ложатся тяжкой
льдиной
*На каждый доблестный
порыв*»

(подчеркнуто Плехановым).

**А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений.
Том первый. СПб., 1911.
Шифр Д. 6246**

LXXV.

Ср. Герцена

Грибоедов — письмо Бегичеву из Тифлиса 9 декабря 1826 г.:

«Мученье быть пламенным
мечтателем в краю вечных
снегов».

А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский.
Поэзия чувства и „сердечного воображения“.
СПб. 1904.
Шифр. Д. 6138

6.

Славянофильство
(заметка — на
последней стра-
нице книги).

А. Веселовский цитирует
О. Сомова: «Необходимо иметь
свою народную поэзию, не
подражательную и независи-
мую от преданий чужих...
Пусть же в их песнях высоких
отсвечиваются, как в чистом
потоке, дух народа и свойства
языка богатого и великолеп-
ного».

П. Е. Щеголев. Пушкин. СПб., 1912.
Шифр Д. 6225

100.

Это очень
часто бывает.

П. Щеголев, имея в виду
пушкинских героев, пишет:
«Таким образом, литература,
создавая героев, прежде всего
влияла на жизнь, вызывая
подражание в фактической
жизни».

М. Ю. Лермонтов. Сочинения, Изд. 7, т. I.
СПб., 1889.
Шифр Д. 6283

235.

Sic!

«История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» (подчеркнуто Плехановым).

336.

NB

«Не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли; и к чему это ведет?» (подчеркнуто Плехановым).

И. В. Киреевский. Полное собрание сочинений.
М., 1861, т. I.
Шифр Д. 6273

«Поэт для настоящего, что историк для прошедшего: проводник народного самопознания».

23.
NB

«Литература наша (соединившая «филантропизм французский и немецкий идеализм»)... — в стремлении к лучшей действительности. Пушкин выразил его сначала под светлою краскою доверчивой надежды, потом под мрачным покровом байроновского негодования к существующему».

24.
Крайне важно.

«Семена желанного будущего заключены в действительности настоящего» (подчеркнуто Плехановым).

64.
Очень важно
Ср. Герцена

Резко отрицательная оценка Киреевским немцев.

219.
Ср. со взглядами
народников

т. II.

«... не в шуточных мыслях своих обращает он интерес ума уже не к частным элементарным истинам, не к азбучным понятиям нравственности; но... он прямо приступает к самым высшим, самым отвлеченным вопросам любомудрия; ищет постигнуть их внутреннюю связь и внешние отношения к жизни, не ограничивая любопытства своего интересом корысти, или применяемостью мысли к житейским пользам».

«... не только вера утратилась на Западе, но вместе с ней погибла и поэзия, которая без живых убеждений должна была обратиться в пустую забаву».

**С. Ашевский. Белинский в оценке его современников. СПб., 1911.
Шифр Д. 6131**

63.

Удивительно глуп отзыв Киреевского (заметка — на обложке книги)

Иван Киреевский о Белинском и «Отечественных записках»: «Отечественные записки» «проповедуют системы уже устаревшие... стремятся унизить все наши известности, стараясь уменьшить литературную репутацию Державина, Карамзина, Жуковского, Баратынского, Языкова, Хомякова и на место их превозносят И. Тургенева и А. Майкова».

64.

Белинский неосновательен?
(на обложке)

С. Ашевский: Самарин «дельно защищает от его (Белинского. — П. Н.) не всегда основательных нападков на славянофильство» (подчеркнуто Плехановым).

Ашевский пишет, что Аксаковы и Ю. Самарин не поняли заслуг Белинского.

66.

Как и Герцена

Ашевский пишет, что Плетнев не понял силы и значения Белинского.

74.

А вы поняли?

П. А. Вяземский: «Да разве баррикадники, которые ломают мостовую, разве они деятели? Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который за неимением у нас ме-

82.

Самый верный отзыв о Белинском
(на обложке)

ста бунтовать на площади, бунтовал в журналах» (подчеркнуто Плехановым).

128.

Счастье иметь врагов (на обложке)

142.

Гончаров умно отзыается о Белинском-критике (на обложке)

158.

Замечательно

Ашевский приводит цитату Белинского (из письма к Гоголю) о «счастье приобрести себе ожесточенных врагов».

И. Гончаров о Белинском: его крупные «недостатки были, может быть, неизбежны при той роли, какая выпала ему на долю. Ему, как какому-то апостолу отрицания, пришлось разыграть в сфере критики и публицистики то же самое, что другими способами и приемами разыграл в искусстве Гоголь, и что, иначе уже, конечно, продолжало потом и продолжает разыгрываться или доигрываться почти всеми литературными деятелями до сих пор».

Гоголь — Анненкову (12 авг. 1847 г.) о Белинском. Гоголь огорчен не столько оскорблениеми Белинского, сколько вообще его чувством ожесточения. «Последнее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при нем: отводите от него все возмущающее дух его. Убедите его прежде всего в той непреложной истине, что излишество теперь удел всех, кто только сколько-нибудь имеет сердце небесчувственное к делам мира сего, какой-нибудь характер и какое-нибудь убеждение» (подчеркнуто Плехановым).

257.

А у Чернышевского нет?

Кавелин — против утверждений Пыпина, что между Белинским, Чернышевским и Добrolюбовым не было различий во взглядах. «К нему (Белинскому. — П. Н.) вполне примениется замечание, что ненависть есть оборотная сторона любви... Именно потому, что Белинский имел идеалы, вносил их в свою деятельность, влияние его и было так сильно».

296.

О Тургеневе неверно (на обложке)

Ашевский высоко оценивает «Воспоминания» Тургенева о Белинском.

Н. Котляревский. Михаил Юрьевич Лермонтов. Личность поэта и его произведения, 3 изд.

СПб., 1909.

Шифр Д. 6174

287.

Ср. Ибсена
(Бранд)

Стихи Э. Губера, поэта-философа 30-х годов:
«За мной, под небеса родные!
На горы, темные, на родину
громов!

Туда, где бури вековые
Свиваются тучи громовые
Из влажной ткани облаков!
Вперед, вперед!...»

290.

Бальмонт

Котляревский о Бенедиктове: «В погоне за этим блеском (выше: «внешний блеск рифм и размера». — П. Н.) Бенедиктов на свой страх создавал новые слова и новые обороты речи, и часто та искра поэзии, которая в его душе горела, гасла под риторикой вычурных сравнений и слов».

**П. В. Анненков. Литературные воспоминания.
СПб., 1909.
Шифр Д. 6127**

300.

Высказывание
Белинского
еще в 41 году

Анненков относит следующие рассуждения Белинского к 1847—1848 гг.: «Что личность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым эгическим абстрактом».

**Н. А. Котляревский. Литературные направления
Александровской эпохи. СПб., 1907.**

Шифр Д. 6176

47.

Ср. наших
народников

Котляревский о Жуковском: «Россия, — мечтал он, — должна вступить в особенный, самим промыслом ей проложенный путь: она не будет Европа, не будет Азия, она будет Россия — самобытный великий мир».

48.

Фейербах
(заметка —
на титуле)

Котляревский излагает взгляды Жуковского на рабство («любить рабство есть низость») и на государя, отца подданных, не любящего рабство.

189.

Л Скалозуб?
Л Молчалин?

Котляревский: «Мы можем подметить в людях фамусовские, молчалинские, репетиловские наклонности, более или менее ясно обнаруженные, но с грибоедовскими героями едва ли судьба нас свести может».

**Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей
литературе. Герден. Милль. Парижская коммуна.
Ренан. Штраус. СПб., 1882.
Шифр Д. 6214**

83.
А разочарование
Жорж Занд?

125.
Оригинальности?
Л славянофилы-то?

Страхов о Герцене: «Это первый наш западник, отчаявшийся в Западе».

Страхов о Герцене: ни в одном из его воззрений нет «столько оригинальности и силы (подчеркнуто Плехановым), как в герценовском отрицании европейских начал».

**Н. Котляревский. Старинные портреты.
СПб., 1907.
Шифр Д. 6172**

28.
Субъективный
метод.

«Не странно ли — кончает Баратынский свои рассуждения — не странно ли писать рассуждение об истине, когда доказываешь, что каждый из нас имеет собственные свои истинны».

57.
Очень хорошо.

«Открывались новые области жизни и духа, и они нелегко поддавались художественному обобщению. В некоторых из них было даже очень много оскорбительного для тонкого слуха и зрения поэта (Баратынского.—П. Н.); век становился материальнее или, вернее, материальная подкладка, которая всегда каждому веку присуща, стала яснее выступать наружу. Казалось с виду, что «духовное» и «небесное» в жизни испарялось, тогда как

на самом деле оно распространялось на большее количество житейских явлений, за которыми раньше поэт не признавал никакой духовной или поэтической ценности» (подчеркнуто Плехановым).

63.
Ср. Мориса
Барреса

Котляревский цитирует Баратынского: «*Поэзия индивидуальная одна для нас естественна, эгоизм наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себя. Вот покамест наше назначение*» (подчеркнуто Плехановым).

(Плеханов считал Мориса Барреса «одним из самых видных идеологов буржуазии», — XIV, 160).

123.
Да!

Котляревский цитирует Тика: «*Зачем искусству приносить пользу государству, обществу? Когда великое и красивое столь себя уничило, чтобы приносить пользу?... Разве все должно иметь своей конечной целью еду, питье и одежду?* Истинно высокое не может и не должно быть полезно: *такая полезность противна его божественной природе*» (подчеркнуто Плехановым).

Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. 2. М., 1898.
Шифр Д. 6217

171.
Разница
с Базаровым.

Тихонравов о Тверитинове
(«Московский вольнодумец»
начала XVIII века): «Человек,

неглупый в политике, Тверитинов любил серьезно потолковать и поспорить о предметах, особенно его занимавших. Из споров он привык выходить победителем. Самые враги лекаря признавались, что он «имеет понравие уклонное, мягкое и весьма льстивое, так что уж и телом своим не может быть не уклонен, не уступчив, не прегибателен на тот бок и на другой» (подчеркнуто Плехановым).

548.

Что комедия
без правды и
злости (на
титуле книги)

То же, т. 3, часть первая.
Слова Гоголя о комедии

**Алексей Веселовский. Западное влияние
в новой русской литературе. М., 1910.
Шифр Д. 6145**

39.

Литература и
среднее сословие
(на титуле)

«Мало-помалу возникает деятельность в различных мелких умственных центрах Германии; *литература начинает находить опору в нарождавшемся образованном среднем сословии*» (подчеркнуто Плехановым).

59.

Наши передовые
примыкают к от-
сталым (на титуле
книги)

«Отец нашей трагедии (Сумароков. — П. Н.) защищал псевдоклассические приемы в ту самую пору, когда родина Буало и Расина уже изменила их традициям для *мещанской драмы*».

**А. Н. Пыпин. Белинский. Его жизнь и переписка,
т. I. СПб., 1876.
Шифр Д. 6197**

104.

Это не так:
не только этим

Пыпин: «На много лет, до самого переезда в Петербург,— где начался новый период его мысли, — Белинский весь был поглощен тем стремлением «утвердить на мысли и разуме все самые тонкие эстетические ощущения человека», которое отличало вообще кружок Станкевича и наконец доходило до крайностей, шутливо описываемых автором «Былого и дум».

**А. Н. Пыпин. История русской литературы,
т. IV. СПб., 1907.
Шифр Д. 6195**

96.

Ср. Гоголя

О «Недоросле»: «Публика восхищалась смешным, не замечая, что иногда оно бывало сделанное и натянутое, но ей нравилось и поучение: сам Фонвизин говорит в «Письме к Стародуму», что успехом «Недоросля» обязан его особе. Черт — весьма любопытная и исторически важная».

126.

Лода
«Вольность» Ради-
щева?

«... в течение всего XVIII столетия уровень ее (поэзии. — П. Н.) содержания почти не повысился» (подчеркнуто Плехановым).

519.

Верно.

«Гоголь поставил себе задачу, которая была невыполнима, потому что невыполнимо было создать произведение в духе «Выбранных мест» и сохранить в нем те особенности

его художественного творчества, которые дали ему славу и составляли его действительную силу».

551.

Да?

«... Лермонтова менее всего можно объяснить предшествующим развитием и современными условиями».

**Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений,
Изд. 5, т. IV. М. 1884.**

Шифр Д. 6241

539.

Ср. похвальное
слово Марье
Алексеевне у
Чернышевского

Из второго тома «Мертвых душ». Чичиков: «Я разве разбойник? От меня разве пострадал кто-нибудь?... Трудом и кровным потом добывал копейку. Чтобы в семействе прожить остаток дней, оставить что-нибудь жене, детям...».

543.

Ср. Чернышев-
ского

Чичиков: «Самосвitos, лихач, в плечах аршин, ноги страшные, отличный товарищ, кутила и продувная бестия... В военное время человек этот наделал бы чудес».

547.

Ср. Чернышев-
ского

Муразов: «Как же не защищать человека, когда знаю, что он половину зол делает от грубости и неведения?»

549.

Ср. с Чернышев-
ским: не вина его,
а беда его.

Муразов: «Затруднительны положения человека, ваше сиятельство, очень, очень затруднительны. Бывает так, что, кажется, кругом виноват человек... а как войдешь — даже и не он».

551.

Ср. Толстого

Муразов: «Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, брося

все, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, — *не установится благоустройство и земного имущества*» (подчеркнуто Плехановым).

**Н. А. Добролюбов. Сочинения, т. III. СПб., 1885.
Шифр Д. 6256**

13.

Крайне важно

«Точно так же реальная критика не допускает и навязывания автору чужих мыслей. Пред ее судом стоят лица, созданные автором и их действия» (подчеркнуто Плехановым).

411.

Это-то верно.

Ср. 450

«В развитии драмы должно быть соблюдано строгое единство и последовательность; развязка должна естественно и необходимо выпекать из завязки; каждая сцена должна непременно способствовать движению действия и подвигать его к развязке; поэтому в пьесе не должно быть ни одного лица, которое прямо и необходимо не участвовало бы в развитии драмы» (подчеркнуто Плехановым).

450.

«В «Грозе» является перед нами лицо, взятое прямо из жизни, но выясненное в сознании художника и поставленное в такие положения, которые дают ему обнаруживаться полнее и решительнее, нежели как бывает в большинстве случаев обыкновенной жизни. Таким образом, здесь нет дагеротипной точности, в которой не-

NB

Ср. 411.

которые критики обвиняли Островского; но есть именно художественное соединение однородных черт, проявляющихся в разных положениях русской жизни, но служащих выражением одной идеи».

420.

Но ведь сюжет-то развивается и этими случайностями.

Ср. 424 и 463

«Автор, решаящийся отбросить в сторону все эти случайности, в угоду логическим требованиям *развития сюжета*, обыкновенно теряет среднюю меру и делается похож на человека, который все измеряет на тахитим» (подчеркнуто Плехановым).

424.

А как же к ней прийти?
Устранием не-
нужного

«Таким образом, признавая за литературую главное значение пропаганды, мы требуем от нее одного качества, без которого в ней не может быть никаких достоинств, *именно — правды...* Но правда есть необходимое условие, а еще не достоинство произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения *тех явлений*, которых он коснулся» (подчеркнуто Плехановым).

463.

Значит, они не излишни

«Страшная борьба, на которую осуждена молодая женщина, совершается в каждом слове, в каждом движении драмы, и вот где оказывается вся важность вводных лиц, за которые так упрекают Островского».

434.

Стало [быть],
они нужны для
действия

425.

Не всегда

**Н. А. Добролюбов. Сочинения, Изд. 2,
т. IV. СПб., 1871.**

Шифр Д. 6255

364.

Толстой-Розен-
гейм (заметка —
на обложке книги).

«И вот почему мы никак не решаемся считать ненужными и лишними те лица пьес Островского, которые не участвуют прямо в интриге... Эти лица столь же необходимы для пьесы, как и главные: они показывают нам ту обстановку, в которой совершается действие, рисуют положения, которыми определяется смысл деятельности главных персонажей пьесы».

«Сообразно с широтою взгляда и силою чувства авторов будет разниться и способ изображения предметов, и самое изложение у каждого из них».

Розенгейм: Если зол ты на свет, точно правду любя,
То не тронь в нем порядок вещей;
Но исправь-ка сперва, мой почтенный, себя,
Отучи от неправды людей».

**Д. М. Скабичевский. История новейшей
русской литературы. 1848 — 1898 г. изд. 4. СПб.. 1900.**

Шифр Д. 6211

57.

?

Прекрасное
(заметка — перед
титулом книги)

«Сообразно этим теориям (старым «метафизическим». — П. Н.) искусство имеет совершенно особенную, *свою самостоятельную область* (подчеркнуто Плехановым), вполне исчерпывающую все его значение. Область эта — *прекрасное*».

76.

Определение публицистической критики.
Чем она отличается от социологической (перед титулом)

26.

Никакого отрицания здесь нет

79.

Ср.: «Русский человек на «rendez-vous» (перед титулом)

Скабичевский трактует взгляды Добролюбова на критику: она «была чисто публицистическая, имея дело с анализом не самих произведений, а тех фактов жизни, которые в произведениях изображаются».

Скабичевский цитирует и излагает Анненкова, который требует, чтобы философская и «педагогическая» мысль в художественном произведении передавалась в специфической форме — через «наблюдения душевных оттенков, тонких характерных отличий, игры бесчисленных волнений человеческого нравственного существа». Анненков: «Где есть в рассказе присутствие психологического факта и верное развитие его, там есть настоящая и глубокая мысль». Скабичевский пишет: «*Это отрицание философских и всяких других мыслей в изящных произведениях, кроме одной психологической правды, и требование, чтобы критика на первом плане ставила чисто эстетическую оценку, в свою очередь шли совершенно в разрез и с духом времени, и с существенным значением новой литературной школы*» (подчеркнуто Плехановым).

Скабичевский цитирует Добролюбова: «Предложите им самое простое средство, — они скажут: «да как же это так вдруг». Непременно скажут,

потому что Обломовы иначе отвечать не могут... Продолжайте разговор с ними и спросите: «Что же вы намерены делать? — Они вам ответят тем, чем Рудин ответил Наталие: «Что делать? Разумеется, покоряться судьбе».

83.

Да Бородкин —
купец, а не
«простой чело-
век»

Скабичевский критикует Добролюбова, говоря о его противоречиях — в связи с оценкой образа Бородкина у Островского: «... какое же значение имеют все речи Добролюбова о преимуществе народа перед интеллигентными людьми относительно силы, чистоты и деликатности чувств простых людей, способных и любить, и ненавидеть, и прощать с большою непосредственностью и беззаветностью, чем интеллигентные люди» (Скабичевский имеет в виду сомнения Добролюбова в том, что Бородкин может великодушно простить измену любимой девушки).

**А. Л. Волынский. Русские критики.
Литературные очерки. СПб., 1896.
Шифр Д. 6143**

571.

Какой же это
последователь
Чернышевского?

Волынский пишет, что Писарев довел «до крайних выводов главные мысли Чернышевского» (568). И далее: «В рассуждениях Писарева о драме Островского, совпадающих с его рассуждениями о «бедной русской мысли», публицистическая идея, вытеснившая окончательно все чисто критические

приемы, приводят его к такому бессодержательному индивидуализму, который оставляет без какого бы то ни было разрешения социальный вопрос».

628.

Не совсем так

Волынский излагает В. Майкова: «Идеи, влагаемые художником в его творения, суть те же самые идеи, которые разрабатываются в науке, приводятся в систему в философии, которые становятся дидактическими в сухом логическом рассуждении. Выраженные в поэтической форме, они получают как бы живое индивидуальное существование и говорят одновременно и воображению, и чувству, и разуму».

Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837 — 1887.

СПб., 1888.
Шифр Е. 7093

117.

Очень хорошо

Крамской — Ф. Васильеву (1 янв. 1873): «... есть вещи, которые слово выразить решительно не может. Он («всякий неглупый человек». — П. Н.) знает, что выражение лица именно приходит на выручку в такое время — иначе живопись не имела бы места. Если бы всё можно было сказать словом, то зачем тогда искусство, зачем музыка?»

254.

Ср. А. Бенуа

Крамской — И. Репину (16 мая 1875): «Стараться о смысле, искать значения — значит насиловать себя: вернейшая дорога не получить ни то-

го, ни другого. Надо, чтобы это лежало натуральным пластом в самойатуре. Надо, чтобы эта нота звучала естественно, ненамеренно, органически».

**Д. В. Философов. Слова и жизнь.
Литературные споры новейшего времени
(1901 — 1908 гг.) СПб., 1909.
Шифр Д. 6220**

29.

Что верно, то
верно (заметка —
на титуле)

35.

Да есть ли она?

45.

Неправда

45.

Да он совершает-
ся в каждую вели-
кую критическую
эпоху

79.

Вашими руками?

«О, конечно, не мистическо-
му анархизму внести свет в это
темное царство. Идеология но-
вейшего направления русской
литературы пока беспомощнее
старых интеллигентских идео-
логий».

«Теперь настало время под
знаками современной культуры
найти их вечную религиозную
основу».

«На все тревожные, неразре-
шимые человеческими усилия-
ми запросы «Человек» Горько-
го безмятежно отвечает: «Вы-
растешь, Саша, узнаешь!», а
пока довольствуйся и молчи»
(подчеркнуто Плехановым).

«... если пути человеческому
нет конца, нет освобождающе-
го и все завершающего конца,
нет страшного суда истории и
человечества, то где же челове-
ку черпать силы для действия,
где ему искать смысла жизни?»
(подчеркнуто Плехановым).

«С Плехановым нельзя спо-
рить. Не за что уцепиться»
(подчеркнуто Плехановым).

89.

Ложь

«Современная Франция, та «престарелая кокотка», которая вызвала справедливый гнев Горького, покоится как раз на философии, которую защищает Горький. Пролетариат только еще пробуждается и он бессознательно берет на веру эту, как дурную болезнь унаследованную от буржуазии, философию» (подчеркнуто Плехановым).

112.

Ложь

«Культ человечества имеет своих мучеников, своих подлинных святых. И надо признать, что это один из самых жестоких культов. Идея будущего, счастливого устройства человечества на земле — какой-то Молох, который беспощадно пожирает своих детей. Человека, личности для него не существует. Люди — частицы материи, бесследно погибающие. Бессмертно лишь человечество, и нет такой жертвы, которой не стоило бы принести ради этого идола».

138.

Верно
(на обложке)

«Миф творится не как иллюзия, а как реальность, которая подлинными, а не литературными мифотворцами ощущается именно как реальность, объективно существующая. Сознательно творить миф, именно как миф, есть , отвлеченнейшее измышление мечтателей — что отлично понимают западные модернисты. Поэтому они отнюдь не претендуют на то, чтобы творить миф, они присоединяются к мифу уже сотворенному...».

171.

Важно.
Декадентство
(на обложке)

Философ смешивает марксистов, позитивистов, модернистов, называя всех «позитивистами», и пишет, что, по мнению позитивистов, «все губит «живую активность», кроме агностицизма».

230.

Фантазия

«Фетишизм», слепое преклонение перед идолом прогресса, как будто в прогрессе всё свято — после Толстого стало просто невозможным. Хоть на одну секунду, но люди остановились, пережили точку «неделания».

В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы. Часть I. Книга первая. СПб., 1906.
Шифр Д. 6167

25.

Немного богдановщина.
Ср. стр. 338

В любом предмете или явлении «человек патриархально-родового периода предполагал действие организующего начала, духа в пассивной воспринимающей среде».

338.

Опровергает теорию Богданова, которой держится Келтуяла.
Ср. стр. 25

В период просвещения в Киевской Руси благодаря редкости населения и обилию даров природы трудовая деятельность человека была проста и несложна: «она не требовала особенного искусства, умственного напряжения, изобретательности» (подчеркнуто Плехановым).

680.

Богданов

«Келтуяла цитирует митрополита Никифора (XII век):

«Как ты, князь, сидя на своем престоле, действуешь чрез воевод и слуг по всей своей стране, а сам ты — господин и

князь, так и душа действует по всему телу чрез пять слуг своих, т. е. через пять чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание» (подчеркнуто Плехановым).

VIII.

Это неверно.
Ср. IX.

IX.

То же, книга вторая. СПб.,
1911.

«... все роды и виды устного творчества зародились не в народной массе, а в ее верхах» (подчеркнуто Плехановым).

XI.

Не то

Келтуяла пишет о «традициях и формах устных произведений», которые «вливали новое содержание простонародно-демократического содержания» (подчеркнуто Плехановым).

40.

Где выданы капиталисты в охотниччьем городе?

«В том, что значительная часть народной массы усвоила обломки древнерусской аристократической культуры и созданного ею мировоззрения, нельзя не видеть исторической силы последней».

88.

Возвращение к теории «героев»

«Во главе охотничье-торговой организации стояла группа бояр-капиталистов..., предки которых в течение многих поколений занимались охотой и обменом и оставили своим потомкам крупные денежные капиталы» (подчеркнуто Плехановым).

122.

Кулакные бои?

«Князь — крупный вотчинник-капиталист, источник развития общественного труда» (подчеркнуто Плехановым).

«Такие бои (кулакные. — П. Н.) обязаны были своим

возникновением общественно-политической атмосфере Новгорода, насыщенной классовым антагонизмом» (подчеркнуто Плехановым).

Я. Берман. Диалектика в свете современной теории познания. М., 1908.
Шифр Б. 3614

57.

Неправда

«Только в одном пункте Гегель пошел значительно дальше своих предшественников: он *порвал окончательно с формальной логикой и поставил на место ее логику противоречий*» (подчеркнуто Плехановым).

70.

Верно

«... основной мотив творчества Гегеля, по которому все сущее есть лишь формы развития абсолютной идеи, или, иначе, действительный мир есть лишь отражение идеального мира; напротив, для всякого эмпирика идея есть лишь образ, отпечаток, снимок, описание, схема, изображение и т. д. реального» (подчеркнуто Плехановым).

16.

«Как это ни странно, но ни у одного из серьезных теоретиков марксизма мы не найдем не только вполне разработанной в научном смысле теории диалектики, но сколько-нибудь точного обоснования тех идей, совокупность которых они называют диалектикой».

Отметив это место на полях книги, Плеханов пишет в записной книжке: «В мой огород» (АДП, инв. № 11767, ед. хр. т. 185, л. 9).

367.

NB

321

Горький и Дицген

373.

Сущность романтизма (заметка — на титуле)

337.

Ср. Пшибышевского

420.

Луначарскому
(на титуле)

«Шлегели требовали, чтоб всякий критический разбор настоящего художественного произведения сам был художественным произведением».

Гайм — о Новалисе: «Его любимая тема — «чудотворная сила фикции»; он говорит: «Всякая вера чудотворна. Бог существует в тот момент, когда я верую в него», и в другом месте: «Если человек внезапно проникнется искренним убеждением, что он добродетелен, он действительно сделается добродетельным».

«Сущность романтического направления заключалась, как нам уже известно, в том, что оно вносило в современное образование усиленный субъективизм и идеализм, присоединяя к ним то влечение к изяществу и к гармонии, которое всего яснее сказывалось в литературной деятельности Фр. Шлегеля».

Гайм цитирует Новалиса: «... любовь есть высшая реальность, есть коренная основа; все романы, в которых описывается истинная любовь, суть сказки, магические происшествия» (подчеркнуто Плехановым).

Гайм цитирует Шлейермахера: «уже пора основать новую религию» (подчеркнуто Плехановым).

Новалис: «Основано царство вечности; в любви и мире кончается борьба».

Г. В. Плеханов. Материалы к рецензии на книгу Р. Гольцапфеля „Панидеал“. СПб., 1909 (книга — в БДП, шифр. Б. 3648. Материалы (записная книжка) — в АДП, инв. № 11767, ед. хр. Т. 185)

60.

Реакционный
взор (замет-
ка — в записной
книжке, л. 1)

Гольцапфель: «Ложные эстетические теории, нехудожественные тенденции и привычки нередко ведут к тому, что даже высокогениальные художники занимаются изображением мало развитых натур, что не может ни удовлетворить в достаточной степени их мощным потребностям в творчестве, ни в достаточной мере содействовать их развитию. Даже для негениального, но значительно развитого индивидуума подобного рода произведения недостаточны ни в отношении эстетического удовлетворения, ни в отношении способствования его развитию. Может, в будущем появится поколение художников, которые высшей и достойнейшей темой своего творчества будут считать психологию положительно единственных по развитию и положительных гениев по развитию. Произошел бы величайший переворот в искусстве».

106.

Верное замечание
и весьма «своевре-
менное» в России

«Наслаждение собственными и чужими переживаниями или произведениями, искусством и природой может быть в высокой мере увеличено устрани-

(заметка — в записной книжке, л. 2)

209.

Верно, хотя и варварски выражено
(в записной книжке, л. 7)

ем «сострадания» возбуждаемого недоступностью этого наслаждения для других».

«Художник слова, жертвующий высказываниями звуков — звуками высказываний, т. е. символикой слов — их ритму и мелодии, действует совершенно антихудожественно, потому что он, поступая так, жертвует преднамеренными более сложными ассоциациями непреднамеренным и, следовательно, приближает свое художественное произведение к минимуму эстетического совершенства».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая. Методология</i>	
Методологические искания в русском литературоведении конца XIX — начала XX века	10
Г. В. Плеханов и литературоведение академической школы	30
Кризис литературо-эстетической мысли	57
Проблемы научной методологии	65
Учение об общественной психологии	88
Сравнительно-исторический метод	105
<i>Глава вторая. Реализм</i>	
Мировоззрение и творчество писателя	126
Содержание и форма в литературе	141
Творческий метод	171
Типология русского реализма	201
Социалистическое искусство	221
Заключение	252
Приложение	257
Именной указатель	307

Петр Алексеевич Николаев

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В РСССИИ

Тематический план 1970 г. № 85

Редактор *Л. В. Кутукова*

Переплет художника *В. Ю. Стойлова*

Технический редактор *И. Л. Тимашева*

Корректоры *И. А. Большакова, Л. С. Клочкива*

Сдано в набор 29/X 1969 г.

Подписано к печати 1/VII 1970 г.

Л-49846

Физ. печ. л. 9,75

Изд. № 1074

Формат 84×108/3₂

Усл. печ. л. 16,38

Заказ 452

Тираж 2400 экз.

Бумага тип. № 2

Уч.-изд. л. 17,4

Цена 1 р. 24 к.

Издательство Московского университета

Москва, ул. Герцена, 5

Типография Изд-ва МГУ. Москва. Ленинские горы